ЗИГМУНД ФРЕЙД
«О СНОВИДЕНИИ»

I

Во времена, которые мы могли бы назвать преднаучными, люди не затруднялись в объяснении сновидения. Вспоминая его по пробуждении, они смотрели на него как на хорошее или дурное предзнаменование со стороны высших божественных или демонических сил. С расцветом естественнонаучного мышления вся эта остроумная мифология превратилась в психологию, и в настоящее время лишь весьма немногие из образованных людей сомневаются в том, что сновидение является продуктом психической деятельности самого видящего сон.

Но с отпадением мифологической гипотезы сновидение стало нуждаться в объяснении. Условия возникновения сновидений, отношение последних к душевной жизни во время бодрствования, зависимость их от внешних раздражении во время сна, многие чуждые бодрствующему сознанию странности содержания сновидения, несовпадение между его образами и связанными с ними аффектами, наконец, быстрая смена картин в сновидении и способ их смещения, искажения и даже выпадения из памяти наяву – все эти и другие проблемы уже много сотен лет ждут удовлетворительного решения. На первом плане стоит вопрос о значении сновидения – вопрос, имеющий двоякий смысл: во-первых, дело идет о выяснении психического значения сновидения, связи его с другими душевными процессами и его биологической функции; во-вторых, желательно знать, возможно ли толковать сновидение и имеет ли каждый элемент его содержания какой-нибудь «смысл», как мы привыкли это находить в других психических актах.

В оценке сновидения можно заметить три направления. Одно из них, которое является как бы отзвуком господствовавшей прежде переоценки сновидения, находит себе выражение у некоторых философов, которые кладут в основу сновидения особенное состояние душевной деятельности, рассматриваемое ими даже как более высокая ступень в развитии духа; так, например, Шуберт утверждает, будто сновидение является освобождением духа от гнета внешней природы, освобождением души из оков чувственного мира. Другие мыслители не идут так далеко, но твердо держатся того мнения, что сновидения по существу своему проистекают от психических возбуждений и тех душевных сил, которые в течение дня не могут свободно проявляться (фантазия во сне – Шернер, Фолькельт). Многие наблюдатели приписывают сновидению способность к особо усиленной деятельности – по крайней мере в некоторых сферах, например в области памяти.

В противоположность этому мнению, большинство авторов-врачей придерживается

того взгляда, что сновидение едва ли заслуживает названия психического проявления; по их мнению, побудителями сновидения являются исключительно чувственные и телесные раздражения, либо приходящие к спящему извне, либо случайно возникающие в нем самом; содержание сна, следовательно, имеет не больше смысла и значения, чем, например, звуки, вызываемые десятью пальцами несведущего в музыке человека, когда они пробегают по клавишам инструмента. Сновидение, согласно этому воззрению, нужно рассматривать как «телесный, во всех случаях бесполезный и во многих – болезненный процесс» (Винц). Все особенности сновидений объясняются бессвязной и вызванной физиологическими раздражениями работой отдельных органов или отдельных групп клеток погруженного в сон мозга.

Мало считаясь с этим мнением науки и не интересуясь вопросом об источниках сновидения, народная молва, по-видимому, твердо верит в то, что сон все-таки имеет смысл предзнаменования, сущность которого может быть раскрыта посредством какого-либо толкования. Применяемый с этой целью метод толкования заключается в том, что вспоминаемое содержание сновидения замещается другим содержанием – либо по частям на основании твердо установленного ключа, либо все содержание сновидения целиком заменяется каким-либо другим целым, по отношению к которому первое является символом. Серьезные люди обыкновенно смеются над этими стараниями: «сны – это пена морская».

II

К своему великому изумлению, я однажды сделал открытие, что ближе к истине стоит не взгляд врачей, а взгляд профанов, наполовину окутанный еще предрассудками. Дело в том, то я пришел к новым выводам относительно сновидения, после того как применил к последнему новый метод психологического исследования, оказавший уже мне большую услугу при решении вопросов о разного рода фобиях, навязчивых и бредовых идеях и пр. Многие исследователи-врачи справедливо указывали на многообразные аналогии между различными проявлениями душевной жизни во время сна и различными состояниями при психических заболеваниях наяву; так что мне уже заранее представлялось небесполезным применить к объяснению сновидения тот способ исследования, который оказал услуги при анализе психопатических явлений. Навязчивые идеи и идеи страха так же чужды нормальному сознанию, как сновидения – бодрствующему; происхождение тех и других для нашего сознания одинаково непонятно. Что касается представлений, то выяснять их источник и способ возникновения побуждал нас практический интерес; опыт показал, что выяснение скрытых от сознания путей, связывающих болезненные идеи с остальным

содержанием сознания, дает возможность овладеть навязчивыми идеями и равносильно устранению их. Таким образом, примененный мною к объяснению сновидений способ берет свое начало в психотерапии.

Описать его легко, но пользоваться им можно лишь после известного навыка. Когда хотят применить этот способ к другому лицу, например к страдающему страхом больному, то последнему предлагают обыкновенно сосредоточить все внимание на своей болезненной идее, но не размышлять о ней, как он это часто делает, а стараться выяснить себе и сообщать тотчас врачу все без исключения мысли, которые ему приходят в голову по поводу данной идеи. Если больной станет утверждать, что его внимание ничего не может уловить, то необходимо энергично заявить, что такого рода отсутствие круга представлений совершенно невозможно. Действительно, вскоре у больного начинает всплывать ряд идей, за которыми следуют новые идеи; однако больной, производящий самонаблюдение, при этом обыкновенно заявляет, что выплывающие у него идеи бессмысленны или не важны, не относятся к делу и пришли ему в голову совершенно случайно, без всякой связи с данной задачей. Уже теперь можно заметить, что именно эта критика со стороны больного была причиной того, что данные идеи не высказывались и даже не сознавались им. Поэтому если удается заставить больного отказаться от всякой критики по поводу приходящих в голову мыслей и продолжать отмечать мысленные ряды, выплывающие при напряженном внимании, то можно получить достаточный психический материал, который явно примыкает к взятой в качестве задачи болезненной идее, обнаруживает связь последней с другими идеями и дает возможность при дальнейшем исследовании заместить болезненную идею какой-либо новой, вполне гармонирующей с остальным содержанием психики.

Здесь я не могу подробно останавливаться на лежащих в основе этого опыта предпосылках и на выводах, которые можно сделать из его постоянных успехов; можно только указать, что всегда возможно получить достаточный для исчезновения болезненной идеи материал, если обращать внимание именно на «нежелаемые» ассоциации, «мешающие мышлению» и отстраняемые обыкновенно самокритикой больного, как бесполезный хлам. Когда желают применить этот метод к самому себе, необходимо при исследовании немедленно записывать все приходящие случайно в голову и непонятные сначала мысли.

Теперь посмотрим, к каким результатам приводит использование изложенного метода при исследовании сновидений. Для этого пригоден любой пример. Однако по определенным мотивам я возьму свое собственное сновидение, краткое по содержанию и в воспоминании представляющееся мне неясным и бессмысленным; содержание его, записанное мною немедленно по пробуждении, следующее:

«Общество за столом или табльдотом[1]. Едят шпинат... Г-жа Е. Л. сидит рядом со мною, вся повернувшись ко мне, и дружески кладет руку мне на колено. Я, отстраняясь, удаляю ее руку. Тогда она говорит: «А у вас всегда были такие красивые глаза...» После этого я неясно различаю как бы два глаза на рисунке или как бы контур стеклышка от очков...» Это – все сновидение или по крайней мере все, что я могу о нем вспомнить. Оно кажется мне неясным и бессмысленным, а больше всего странным. Г-жа – Е. Л. – женщина, с которой я был просто знаком и, насколько я сознаю, близких отношений никогда не желал; я уже давно не видел ее и не думаю, чтобы в последние дни о ней шла речь. Сновидение мое не сопровождалось никакими эмоциями; размышление о нем не делает мне его более понятным.

Теперь я без определенного намерения и без всякой критики буду отмечать приходящие мне в голову мысли, выплывающие при самонаблюдении; для этого полезно разложить сновидение на элементы и отыскивать примыкающие к каждому из них мысли.

Общество за столом или табльдотом. С этим связывается воспоминание о небольшом переживании, имевшем место вчера вечером. Я ушел из маленького общества в сопровождении друга, который предложил взять карету и отвезти меня домой. «Я, – сказал он, – предпочитаю карету с таксометром; это так занимательно: всегда имеешь перед собой что-то, на что можно глядеть». Когда мы сели в карету и кучер устанавливал таксометр, так что стали видны первые шестьдесят геллеров, я продолжил его шутку: «Мы только сели и уже должны ему шестьдесят геллеров». Карета с таксометром напоминает мне всегда табльдот; она делает меня скупым и эгоистичным, ибо непрестанно говорит о моем долге; мне все кажется, что долг слишком быстро растет, и я опасаюсь, как бы мне не хватило денег, подобно тому как за табльдотом я не могу отделаться от смешного опасения, будто я получу слишком мало, если не буду заботиться о своей выгоде. В отдаленной связи с этим я продекламировал: «Вы сами жизнь даете нам; бедного вы делаете должником».

Другая возникшая у меня мысль по поводу табльдота: несколько недель тому назад за общим столом в гостинице одного тирольского горного курорта я сердился на свою жену за то, что она, по моему мнению, была недостаточно официальна с некоторыми соседями, с которыми я не хотел иметь ничего общего. Я просил ее интересоваться больше мною, чем посторонними. Это – все равно, как будто меня обошли за табльдотом. Теперь мне приходит в голову противоположность между поведением моей жены за столом и поведением в моем сновидении г-жи Е. Л., которая вся повернулась ко мне.

Далее: я замечаю, что сновидение является воспроизведением небольшой сцены, происшедшей между мной и моей женой еще до женитьбы, во время моего ухаживания за

[1] Табльдот – общий обеденный стол по общему меню в пансионатах, в гостиницах, на курортах.

ней. Нежное пожатие руки под скатертью послужило ответом на мое письмо с серьезным предложением. Но в сновидении жена моя замещена чуждой мне г-жой Е. Л.

Г-жа Е. Л. – дочь одного господина, которому я был должен. Не могу при этом не заметить, что здесь обнаруживается неожиданная связь между элементами сновидения и приходящими мне в голову мыслями. Если следовать за цепью ассоциаций, которые вытекают из какого-либо элемента содержания сновидения, то можно скоро прийти к другому элементу этого же содержания. Мысли, приходящие в голову по поводу сновидения, восстанавливают те связи, которые в самом сновидении не видны.

Когда кто-либо полагает, что другие станут заботиться о нем без всякой пользы для себя, разве не предполагают обыкновенно задать такому простаку иронический вопрос: «Что же вы думаете, что то или иное делается ради ваших прекрасных глаз?» С этой точки зрения слова г-жи Е. Л. в сновидении – «у вас всегда были такие прекрасные глаза» – означают не что иное, как – «люди вам всегда оказывали услуги; вы все даром получали». Конечно, в действительности всегда было наоборот: за все то хорошее, что мне делали другие, я платил дорого; но, по-видимому, на меня все-таки произвело впечатление то обстоятельство, что мне вчера даром досталась карета, в которой мой друг отвез меня домой.

Кроме этого, приятель, у которого мы вчера были в гостях, часто заставлял меня оставаться перед ним в долгу; лишь недавно я не воспользовался случаем отплатить ему. Между прочим, у него имеется единственный подарок от меня – античная чаша с нарисованными по краям ее глазами для защиты от «дурного глаза». Кстати, приятель этот – глазной врач; в этот же вечер я спрашивал его о пациентке, которую направил к нему для подбора очков.

Я замечаю, что почти все отрывки сновидения приведены в новую связь. Однако вполне естественно было бы спросить, почему в сновидении на столе фигурирует именно шпинат? Дело в том, что шпинат напоминает мне маленькую сцену, происшедшую недавно за нашим семейным столом, когда мой ребенок – как раз тот, у которого действительно красивые глаза, – отказывался есть шпинат. В детстве я точно так же вел себя: шпинат долгое время был мне противен, пока мой вкус не изменился и зелень эта сделалась моим любимым блюдом; воспоминание о последнем сближает, следовательно, мои вкусы в детстве с вкусами моего ребенка. «Будь доволен, что у тебя есть шпинат, – сказала мать маленькому гурману, – есть дети, которые были бы очень рады и этому кушанью». Это течение мыслей напоминает мне об обязанностях родителей по отношению к детям, и в этой связи слова Гете: «Вы сами жизнь даете нам; бедного вы делаете должником» – приобретают новый смысл.

Здесь я остановлюсь, чтобы рассмотреть полученные до сих пор результаты анализа сновидения. Следуя за ассоциациями, выплывающими непосредственно за отдельными

вырванными из общей связи элементами сновидения, я пришел к ряду мыслей и воспоминаний, которые обнаруживают значимые переживания моей душевной жизни. Этот добытый посредством анализа сновидения материал находится в тесной связи с содержанием сновидения, но связь эта все-таки такова, что я никогда не мог бы получить этот новый материал из самого содержания сновидения. Сновидение не сопровождалось никакими эмоциями, было бессвязно и непонятно; однако, когда всплывают скрытые в сновидении мысли, я испытываю сильные и вполне обоснованные эмоции. Мысли сами соединяются в логически связанные ряды, а центре которых повторно появляются некоторые представления; в нашем примере такими не выступающими в самом сновидении представлениями являются: противоположности своекорыстное – бескорыстное и быть должным – делать даром. В этой полученной из анализа ткани я мог бы крепче стянуть нити и показать, что последние сходятся в одном общем узле; но соображения не научного, а частного характера не позволяют мне произвести эту работу публично: дело в том, что я вынужден был бы тогда сообщать многое из того, что должно остаться моей тайной, так как при анализе своего сновидения я уяснил себе такие факты, в которых неохотно признаюсь самому себе. Но почему в таком случае я не изберу для анализа другое сновидение, чтобы анализ его мог скорее убедить в точности смысла и правильности связи полученного из него материала? На это можно ответить, что каждое сновидение, которым я займусь, неизбежно приведет меня к тем же неохотно сообщаемым фактам и побудит к такому же умалчиванию. Этого затруднения я не избежал бы также и в том случае, если бы стал анализировать сновидение другого лица; разве только обстоятельства позволили бы отбросить всякие умалчивания без вреда для доверяющегося мне лица.

Уже теперь приходит в голову идея, что сновидение является как бы заместителем того богатого чувствами и содержанием хода мыслей, к которому мы пришли после анализа. Я еще не знаю процесса, путем которого из этих мыслей возникло данное сновидение, но я вижу, что неправильно рассматривать это сновидение как чисто телесное, психически незначимое явление, возникшее будто бы благодаря изолированной деятельности отдельных групп клеток спящего мозга.

Кроме того, я замечаю еще две вещи: во-первых, содержание сновидения гораздо короче тех мыслей, заместителем которых я его считаю, и, во-вторых, анализ обнаружил в качестве побудителя сновидения ничтожный случай, имевший место накануне вечером.

Я, конечно, не стал бы делать так далеко идущих выводов, если бы в моем распоряжении был анализ только одного сновидения; но опыт показал мне, что, следуя без критики за ассоциациями, я при анализе любого сновидения прихожу к такому же ряду мыслей, связанных между собой по смыслу и правильным образом. Вот почему не следует думать, что обнаруженная при первом анализе связь может оказаться случайным

совпадением. Теперь я считаю себя вправе зафиксировать свою новую точку зрения в определенных терминах. Сновидение, как оно вспоминается мне, я противопоставляю полученному при анализе материалу и называю первое (т. е. сновидение) явным содержанием сновидения, а второй (т. е. материал) – пока без дальнейшего разграничения – скрытым содержанием сновидения. Теперь нам предстоит разрешить две новые задачи: 1) каков тот психический процесс, который превратил скрытое содержание сновидения в явное, знакомое мне по оставленному в памяти следу, и 2) каков тот или те мотивы, которые вызвали такое превращение? Процесс переработки скрытого содержания сновидения в явное я буду называть работой сновидения; противоположная этому работа, ведущая к обратному превращению, знакома уже нам как работа анализа. Остальные проблемы сновидения – вопрос о побудителях сновидений, о происхождении их материала, о смысле и функции сновидений, о причинах забывания последних – все это я буду обсуждать при анализе не явного, а вновь обнаруженного скрытого содержания сновидения.

Так как все встречающиеся в литературе противоречивые и неправильные взгляды на сновидения можно объяснить незнакомством авторов со скрытым содержанием сновидения, которое может быть вскрыто только путем анализа, то я впредь самым тщательным образом буду избегать смешения явного сновидения со скрытыми его мыслями.

III

Превращение скрытых мыслей сновидения в явное его содержание заслуживает нашего полного внимания как первый пример перехода одного способа выражения психического материала в другой: из способа выражения, понятного нам без всяких объяснений, в такой способ, который становится понятным лишь с трудом и при наличии определенных указаний. Принимая во внимание отношение скрытого содержания сновидения к явному, можно разделить сновидения на три категории. Во-первых, мы различаем сновидения вполне осмысленные, понятные, т. е. допускающие без дальнейших затруднений объяснение их с точки зрения нашей нормальной душевной жизни. Таких сновидений много; они по большей части кратки и в общем кажутся нам не заслуживающими особого внимания, так как в них отсутствует все то, что могло бы пробудить наше удивление и показаться нам странным. Между прочим, существование таких сновидений является сильным аргументом против учения, которое объясняет возникновение сновидений изолированной деятельностью отдельных групп мозговых клеток: в этих сновидениях мы не находим никаких признаков пониженной или расстроенной психической деятельности; тем не менее мы никогда не сомневаемся в том, что

имеем дело со сновидениями, и не смешиваем их с продуктами бодрствующего сознания. Другую группу образуют сновидения, которые, будучи связными и ясными по смыслу, все-таки кажутся нам странными, потому что мы не можем связать их смысл с нашей душевной жизнью. С таким случаем мы имеем дело, когда нам, например, снится, будто какой-то близкий родственник умер от чумы, между тем как у нас нет никаких оснований ожидать, опасаться или предполагать это; мы тогда спрашиваем себя с удивлением, откуда пришла нам в голову такая идея? Наконец, к третьей группе относятся сновидения, лишенные смысла и непонятные, т.е. представляющиеся нам бессвязными, спутанными и бессмысленными. Подавляющее большинство продуктов нашего сновидения обнаруживает такой именно характер, которым объясняются и презрительное отношение к сновидениям, и врачебная теория о сужении душевной деятельности во сне; тем более, что в длинных и сложных построениях сновидений всегда усматриваются ясные признаки бессвязности.

Противопоставление явного и скрытого содержания сновидения, очевидно, имеет значение только для сновидений второй и еще более третьей категории; здесь мы встречаемся с загадками, которые исчезают лишь после замещения явного сновидения скрытыми его мыслями, и потому для приведенного выше анализа мы избрали в качестве примера такое именно спутанное и непонятное сновидение. Однако, против всякого ожидания, мы столкнулись с мотивами, которые помешали нам вполне ознакомиться со скрытыми мыслями сновидения; вследствие же повторения подобных случаев и при других анализах мы пришли к предположению, что между непонятным и спутанным характером сновидения, с одной стороны, и затруднениями при сообщении скрытых мыслей сновидения – с другой, имеется какая-то интимная и закономерная связь. Прежде чем исследовать природу этой связи, полезно будет ознакомиться с более понятными сновидениями первой категории, в которых явное и скрытое содержание совпадают, т.е. которые обходятся без работы сновидения.

Исследование этих сновидений полезно еще с другой точки зрения. Сновидения детей всегда имеют такой именно характер, т. е. осмысленный и нестранный; между прочим, это обстоятельство является новым аргументом против объяснения сновидения расстроенной деятельностью мозга во время сна, ибо – почему у взрослого такое понижение психических функций нужно считать характерным для сонного состояния, а у ребенка не нужно? И мы вправе ожидать, что выяснение психических процессов у ребенка, у которого они значительно упрощены, окажется необходимой предварительной работой для ознакомления с психологией взрослого. Итак, я приведу несколько сновидений детей.

Девочку 19 месяцев от роду целый день держат на диете, так как ее утром рвало и, по словам няни, она повредила себе земляникой. Ночью после этого голодного дня няня слышала, как девочка во сне называла свое имя и при этом прибавляла: «земляника, малина,

яичко, каша». Ей, следовательно, снится, будто она ест, и из своего меню она указывает как раз на то, что в ближайшем будущем, по ее мнению, ей мало будут давать. Подобным же образом 22-месячному мальчику, который за день перед тем подарил своему дяде корзинку свежих вишен, отведав из них только несколько штук, снится запрещенный плод; он пробуждается с радостным известием: «Герман съел все вишни». Девочка 3 1/4 года совершила днем по озеру прогулку, которая показалась ей недостаточно продолжительной, и девочка при высаживании плакала. На другое утро она рассказала, что каталась ночью по озеру, т.е. продолжила прерванную прогулку. Мальчик 5 1/4 года остался недоволен прогулкой пешком в окрестности горы Дахштейн; как только показывалась новая гора, он осведомлялся, не Дахштейн ли это, а затем отказался продолжить путь к водопаду. Его поведение приписывали усталости, но оно нашло лучшее объяснение, когда мальчик на следующее утро сообщил свой сон, будто он поднялся на гору Дахштейн. Очевидно, он полагал, что прогулка имеет целью подъем на Дахштейн, и потому был огорчен, когда ему не удалось увидеть желанную гору. Во сне он получил то, чего ему не дал день. Подобный же сон видела шестилетняя девочка, отец которой прервал прогулку с нею, не дойдя до намеченной цели ввиду позднего времени. На обратном пути она обратила внимание на путевой столб, указывающий дорогу к другому месту прогулок, и отец пообещал повести ее туда в другой раз. На следующее утро она встретила отца с известием о том, что ей снилось, будто она с отцом в том и другом месте.

Во всех этих детских сновидениях бросается в глаза одна общая черта: все они исполняют желания, которые зародились днем и остались неудовлетворенными; эти сновидения являются простыми и незамаскированными исполнениями желаний.

Не чем иным, как исполнением желания, является и следующий на первый взгляд не совсем понятный детский сон. Девочка, около четырех лет от роду, заболевшая детским параличом, была привезена из деревни в город; здесь она переночевала у тетки в большой – для нее, конечно, чересчур большой – кровати. На следующее утро она рассказала свой сон, будто кровать была ей слишком мала, так что ей не хватало места. Это сновидение легко объяснить с точки зрения исполнения желаний, если вспомнить, что дети часто выражают желание «быть большим». Величина кровати слишком подчеркивала маленькой гостье ее собственную величину; поэтому она во сне исправила неприятное ей соотношение и сделалась такой большой, что большая кровать оказалась для нее слишком маленькой.

Если даже содержание детских сновидений усложняется и утончается, все-таки в них легко увидеть исполнение желаний. Восьмилетнему мальчику снилось, будто он с Ахиллесом ехал на колеснице, которой правил Диомед. Как оказалось, он за день перед тем увлекся чтением сказаний о греческих героях: легко доказать, что он взял этих героев за образец, сожалел, что не жил в их время.

Из этого небольшого числа сновидений выясняется второе характерное свойство детских сновидений: их связь с жизнью в течение дня. Исполняемые в сновидениях желания оставались от предыдущего дня, причем наяву они сопровождались интенсивными эмоциями. Несущественное и безразличное или то, что кажется таковым ребенку, не находит себе места в сновидениях.

Среди взрослых можно также собрать много примеров подобных сновидений детского типа, но они, как мы упоминали, большей частью кратки. Так, например, многим лицам при жажде ночью снится, будто они пьют; здесь сновидение стремится устранить раздражение и продлить сон. У других бывают часто такие «удобные» сновидения перед пробуждением, когда приближается время вставать; им тогда снится, что они уже встали, находятся около умывальника или уже в училище, конторе и прочее, где они должны быть в определенное время. В ночь перед поездкой куда-либо нередко снится, будто мы уже приехали к месту назначения; перед поездкой в театр или в общество сновидение нередко предвосхищает – как бы вследствие нетерпения – ожидаемое удовольствие. В других случаях сновидения выражают исполнение желаний не в столь прямой форме; тогда, чтобы распознать скрытое желание, необходимо установить какую-нибудь связь или сделать какой-нибудь вывод, т. е. необходимо начать работу толкования. Так, например, в случае, когда муж сообщает мне сновидение его молодой жены, будто у нее наступили месячные, надо не упускать из виду, что каждая молодая женщина при прекращении месячных подозревает о беременности. Ввиду этого сновидение содержит указание на беременность и его смысл в том, что оно исполняет желание не забеременеть. В необычных и экстремальных условиях сновидения такого инфантильного характера особенно часты. Руководитель одной полярной экспедиции сообщает, например, что его команде во время зимовки во льдах с однообразным питанием и скудным рационом регулярно, как детям, снились сны о великолепных обедах, кучах табаку и о том, что они дома.

Весьма нередко из длинного, сложного и в общем случае спутанного сновидения выделяется особенно ясно один отрывок, в котором легко можно узнать исполнение желания, но который в то же время спаян с другим непонятным материалом. При попытке анализировать самые, по-видимому, прозрачные сновидения взрослых приходится часто с удивлением констатировать, что они редко бывают такими простыми, как детские сны, и что за исполнением желания в них кроется еще другой смысл.

Решение загадок сновидений было бы, конечно, простым и удовлетворительным, если бы работа анализа давала нам возможность сводить также бессмысленные и спутанные сновидения взрослых к инфантильному типу исполнения какого-либо интенсивно ощущаемого желания дня. Внешние признаки, конечно, не указывают на подобную возможность: сновидения взрослых по большей части наполнены самым безразличным и

посторонним материалом, который отнюдь не указывает на исполнение желаний.

Прежде чем расстаться с детскими сновидениями – этими незамаскированными исполнениями желаний, нам хотелось бы указать еще на одно давно замеченное главное, характерное свойство, которое именно в этой группе обнаруживается в самом чистом виде. Дело в том, что каждое из этих сновидений можно заменить одним пожеланием: «ах, если бы прогулка по озеру еще продлилась» – «если бы я был уже умыт и одет» – «мне бы следовало припрятать вишни вместо того, чтобы давать их дяде». Но сновидение содержит в себе больше, чем одно пожелание: последнее является во сне уже исполненным, причем это исполнение представляется как бы реальным и совершающимся на глазах; материал сновидения состоит преимущественно, хотя и не исключительно, из ситуаций и по большей части из зрительных образов. Таким образом, в этой группе можно обнаружить своего рода частичную переработку, которую следует считать работой сновидения: мысли, выражающие пожелание на будущее, замещены картиной, протекающей в настоящем.

IV

Мы склонны допустить, что и в спутанных сновидениях имеет место подобное преобразование в ситуацию, хотя и нельзя знать, содержатся ли в них пожелания. Сообщенный вначале пример сновидения, в анализ которого мы несколько углубились, дает нам – по крайней мере в двух случаях – повод предполагать нечто подобное. При анализе я встречаюсь с тем фактом, что жена моя за столом интересуется другими, причиняя мне этим неприятность; в сновидении же содержится прямо противоположная картина: женщина, замещающая мою жену, вся поворачивается ко мне. Не дает ли неприятное переживание лучший повод к проявлению желания, чтобы дело обстояло наоборот? Это и происходит во сне. В такой же связи находится неприятная при анализе мысль, что мне ничего не доставалось даром, со словами женщины в сновидении: «У вас ведь всегда были такие красивые глаза». Таким образом, противоречия между явным и скрытым содержанием сновидения могут быть частью сведены к исполнению желаний.

Гораздо более бросается в глаза другой результат работы сновидения, который ведет к возникновению бессвязных сновидений. Если сравнить на любом примере количество образов в сновидении с числом скрытых его мыслей, добытых путем анализа и лишь едва прослеживающихся в самом сновидении, то нельзя сомневаться в том, что работа сновидения производит прекрасную концентрацию или сгущение. Вначале трудно составить себе представление о масштабе этого сгущения, но оно производит тем большее впечатление, чем глубже удается проникнуть в анализ сновидения. Тогда нельзя найти ни одного элемента сновидения, от которого бы ассоциативные нити не расходились по трем

или более направлениям, ни одной ситуации, которая бы не была составлена из трех или более впечатлений и переживаний. Так, например, мне приснилось однажды нечто вроде бассейна, в котором по всем направлениям плавали купающиеся; в одном месте на краю бассейна стоял человек, наклонившись к одному купающемуся, как бы с намерением вытащить его. Ситуация была составлена из воспоминания об одном переживании в период полового созревания и из двух картин, одну из которых я видел незадолго перед сновидением. Картины эти изображали «Испуг в купальне» из швиндовского цикла «Прекрасная Мелузина» (см. разбегающихся купальщиц) и «Проточные воды» какого-то итальянского художника; маленькое же переживание заключалось в том, что мне пришлось однажды увидеть, как учитель плавания в купальне помогал выйти из воды одной даме, которая замешкалась до наступления назначенного для мужчин времени.

Ситуация в избранном для анализа примере вызывает у меня при анализе небольшой ряд воспоминаний, каждое из которых внесло кое-что в содержание сновидения. Прежде всего это – маленькая сценка из периода моего ухаживания, о которой я уже говорил; имевшее тогда место рукопожатие под столом внесло в сновидение подробность «под столом», о которой я вспомнил позднее. О «поворачивании» ко мне тогда, конечно, не было речи; но из анализа я знаю, что этот элемент является исполнением желания в силу контраста и относится к поведению моей жены за табльдотом. За этим недавним воспоминанием скрывается подобная же, но более важная сцена после нашей помолвки, которая привела даже к ссоре на целый день. Доверчивость и опускание руки на колено относится к совсем иной связи воспоминаний и к совершенно другим лицам; этот элемент сновидения становится, в свою очередь, исходным пунктом двух новых отдельных рядов воспоминаний и т. д.

Скрытые мысли сновидения, соединяющиеся для представления ситуации в сновидении, должны, конечно, заранее быть годными для этой цели: во всех составных частях должны быть налицо один или несколько общих элементов. Сновидение производит такую же работу, как Фрэнсис Гальтон при производстве своих фамильных фотографий: сновидение как бы накладывает друг на друга различные составные части; поэтому в общей картине на первый план отчетливо выступают общие элементы, а контрастирующие детали почти взаимно уничтожаются. Такой процесс объясняет отчасти также и своеобразную спутанность многочисленных элементов сновидения. Исходя из этого, необходимо при толковании сновидений придерживаться следующего правила: если при анализе можно какую-нибудь неопределенность разрешить каким-либо «или – или», то при толковании нужно заменить эту альтернативу посредством «и», сделав каждый член ее исходным пунктом для независимого ряда вновь всплывающих мыслей.

Если между скрытыми мыслями сновидения нет общих частей, то работа сновидения

стремится создать их, чтобы сделать возможным общее изложение. Лучший способ сблизить две скрытые мысли, не имеющие ничего общего, заключается в изменении словесного выражения одной из них, соответственно которому изменяется и выражение другой мысли. Это такой же процесс, как и стихосложение, при котором созвучие заменяет искомую общую часть. Большая часть работы сновидения заключается в создании подобных – часто очень остроумных, но часто также и натянутых – связующих мыслей; последние, исходя из общей картины сновидения, простираются до скрытых его мыслей, которые бывают различны по форме и содержанию и выплывают лишь при анализе сновидения. Точно так же и при анализе взятого нами сновидения мы встречаемся с подобным случаем внешнего изменения мысли для согласования ее с другой, по существу чуждой ей мыслью. Так, при продолжении анализа я наталкиваюсь на следующую мысль: я хотел бы разок также получить что-нибудь даром. Но эта фраза непригодна для общего содержания сновидения и потому заменена другой формой: я хотел бы насладиться чем-нибудь без расходов (Kosten). Последнее слово вторым своим значением [в немецком языке] (пробовать) годится уже для круга идей при табльдоте и может быть применено к фигурирующему в сновидении шпинату. Когда подают на стол какое-нибудь блюдо, от которого дети отказываются, то мать пытается, конечно, сначала ласково уговорить детей: попробуйте хоть немного. Конечно, нам может показаться странным, что работа сновидения так ловко пользуется двойным смыслом слов; но опыт показал, что это – самое обыкновенное явление.

Сгущением образов в сновидении объясняется появление некоторых элементов, свойственных только ему и не находимых в нашем сознании наяву. Таковы составные и смешанные лица и странные смешанные образы, которые можно сравнить с созданными народной фантазией на Востоке причудливыми животными; последние, однако, имеют в нашем представлении определенную застывшую форму, между тем как сновидение постоянно создает новые сложные образы в неисчерпаемом богатстве. Каждый знаком с такими созданиями по своим собственным сновидениям. Способы их образования весьма различны. Я могу создать составной образ лица, либо наделяя его чертами двух разных лиц, либо давая ему облик одного, а имя другого, либо представляя себе визуально одно лицо и ставя его в положение, в котором находилось другое. Во всех этих случаях соединение различных лиц в одного их представителя в сновидении вполне осмысленно: оно имеет в виду сопоставление оригиналов с известной точки зрения, которая может быть упомянута и в самом сновидении. Но обыкновенно только путем анализа можно отыскать эти общие черты слитых в одно лиц, а образование таких лиц в сновидении лишь намекает на эти общие черты.

Таким же многообразным путем и по тем же причинам возникают неизмеримо богатые по содержанию композиции сновидения, примеров которых я не стану приводить.

Они перестанут казаться странными, если не сопоставлять их с объектами восприятий наяву, а иметь в виду, что они представляют собой результат сгущения образов сновидения и выделяют в сокращенном виде общие черты скомбинированных таким образом объектов. Но эта общность и в данном случае выясняется по большей части только путем анализа; работа сновидения как бы говорит: все эти явления имеют какой-то общий Х. Разложение этих композиций путем анализа часто ведет кратчайшим путем к истолкованию сновидения. Так, мне снилось однажды, что я сижу на одной скамье с одним из своих прежних университетских учителей, причем скамья эта начинает быстро двигаться среди других скамей. Эта картина является комбинацией аудитории с Trottoir roulant[1] , дальнейшее развитие мысли я не прослеживаю. В другой раз во сне я сижу в вагоне и держу на коленях какой-то предмет, имеющий форму шляпы-цилиндра и сделанный из прозрачного стекла. По поводу этой картины мне тотчас приходит в голову пословица: со шляпой в руке можно пройти по всей стране[2]. Стеклянный цилиндр напоминает косвенно ауэровскую горелку[3], и я тут же узнаю, что хотел бы изобрести что-нибудь, что помогло бы мне сделаться таким же богатым и независимым, как мой земляк д-р Ауэр фон Вельсбах: тогда я мог бы путешествовать вместо того, чтобы сидеть в Вене. В сновидении я путешествую со своим изобретением – стеклянной шляпой-цилиндром, которая, впрочем, еще не вошла в употребление. Особенно охотно работа сновидения соединяет в одной комбинации два противоречащих друг другу представления. Так, например, одна женщина видит во сне у себя в руках высокий цветочный стебель, как у ангела на картинах благовещения девы Марии (ее называют – непорочная дева Мария); но стебель покрыт большими белыми цветами, похожими на камелии (противоположность непорочности – дама с камелиями).

Большую часть того, что мы узнали относительно происхождения образов во сне, можно выразить в следующей формуле: каждый элемент сновидения в избытке определяется скрытыми мыслями сновидения и обязан своим происхождением не одному элементу этих мыслей, а целому ряду их; однако последние не тесно связаны между собой, а относятся к различнейшим областям переплетения мыслей. В содержании сновидения каждый элемент является по существу выражением всего этого разнообразного материала. Помимо того, анализ вскрывает еще и другую сторону сложного соотношения между содержанием сновидения и скрытыми его мыслями: подобно тому, как от каждого элемента сновидения идут нити ко многим скрытым мыслям, так и каждая скрытая мысль сновидения выражается

---

[1] Trottoir roulant – движущийся тротуар.

[2] Дословный перевод немецкой пословицы. По смыслу примерно соответствует русской: «На добрый привет – добрый ответ».

[3] Ауэровская горелка – одна из типов газовых горелок, используемых в начале века для освещения.

обыкновенно не одним, а несколькими элементами сновидения; ассоциативные нити не идут просто от скрытых мыслей к содержанию сновидения, а многократно скрещиваются и переплетаются.

Наряду с превращением мыслей в ситуацию («драматизацией») наиболее важным и своеобразным признаком работы сновидения является сгущение. Но до сих пор нам еще ничего не известно о мотивах, побуждающих нас к такому сгущению содержания.

V

В сложных и спутанных сновидениях, которыми мы теперь заняты, нельзя объяснять все несходство между содержанием сновидения и скрытыми его мыслями только сгущением и драматизацией. Имеются доказательства влияния еще и третьего фактора, который заслуживает тщательного исследования.

Когда мне удается путем анализа докопаться до скрытых мыслей сновидения, то я прежде всего замечаю, что явное содержание сновидения состоит совсем из другого материала, чем скрытое. Конечно, это – только внешняя разница, исчезающая при внимательном исследовании, ибо в результате все содержание сновидения можно найти в скрытых мыслях и почти все эти мысли находят себе выражение в содержании сновидения. Но из этой разницы все-таки кое-что остается еще после анализа. То, что в сновидении выступало отчетливо на первый план как существенное, должно после анализа удовольствоваться весьма подчиненной ролью среди других скрытых мыслей сновидения; наоборот, те из последних, которые по свидетельству моих чувств имеют право на самое большое внимание в сновидении, либо совсем отсутствуют, либо выражены отдаленными намеками в неясных частях его. Это явление я могу описать еще следующим образом: во время работы сновидения психический акцент смещается с мыслей и представлений, которыми они обладают по праву, к другим, не имеющим, по моему суждению, никакого права на такое выделение; ни один процесс не помогает так сильно, как этот, скрыть смысл сновидения и сделать непонятной связь между содержанием сновидения и скрытыми его мыслями. Во время этого процесса, который я назову смещением в сновидении, наблюдается также замещение психического напряжения, значимости и аффективной наполненности мыслей живостью образов. Наиболее ясное в содержании сновидения кажется обыкновенно самым важным, между тем как раз в неясной части сна часто можно обнаружить самую непосредственную связь с наиболее существенной скрытой мыслью сновидения.

То, что я назвал смещением в сновидении, можно было бы назвать также переоценкой психических ценностей. Для полной оценки данного явления необходимо еще указать на то, что эта работа смещения, или переоценки, весьма неодинакова в различных сновидениях:

бывают сновидения, образовавшиеся почти без всякого смещения и являющиеся в то же время вполне осмысленными и понятными, каковы, например, незамаскированные исполнения желаний в сновидении; в других сновидениях, наоборот, ни одна из скрытых мыслей не сохранила своей собственной психической ценности и все существенное скрытых мыслей замещено второстепенным. Между этими двумя формами наблюдается целый ряд постепенных переходов: чем темнее и спутаннее сновидение, тем большее участие в его создании можно приписать процессу смещения.

Избранный нами для анализа пример обнаруживает такое смещение, в силу которого содержание сновидения и скрытых его мыслей имеет центры в разных пунктах: в сновидении на первый план выступает ситуация, будто какая-то женщина делает мне авансы; в скрытых же мыслях центр тяжести покоится на желании отведать разок бескорыстную любовь, «которая ничего не стоит»; последняя мысль скрывается только за разговорами о красивых глазах и отдаленным намеком в слове «шпинат».

Исправляя путем анализа произведенное в сновидении смещение, мы приходим к совершенно неоспоримым выводам относительно двух спорных проблем сновидения, именно: относительно побудителей сновидения и связи последнего с бодрствованием. Есть сновидения, которые сразу обнаруживают свою связь с дневными переживаниями; в других же нельзя отыскать этой связи. Однако анализ доказывает, что каждое сновидение без исключения связано с каким-либо впечатлением последних дней или, вернее, последнего дня перед сновидением. Впечатление, играющее роль побудителя сновидения, может быть так значительно, что наяву нас не удивляет интерес к нему; в этом случае мы справедливо считаем сновидение продолжением важных интересов дня. Но обыкновенно, если содержание сновидения имеет какое-либо отношение к дневному впечатлению, последнее бывает так ничтожно и так легко забывается, что мы лишь с трудом припоминаем его. Сновидение, будучи даже связным и понятным, как будто интересуется самыми безразличными мелочами, которые наяву не могли бы вызвать никакого интереса. Пренебрежение к сновидению в значительной степени объясняется тем, что оно оказывает такое предпочтение безразличному и неважному.

Но анализ разрушает внешнюю видимость, с которой связана эта низкая оценка сновидения. Там, где сновидение выставляет на первый план в качестве побудителя безразличное впечатление, анализ обыкновенно обнаруживает значительное и справедливо волнующее переживание, которое в сновидении входит в обширные ассоциативные связи с безразличным переживанием и замещается им. Там, где сновидение занято лишенными значения и интереса представлениями, анализ вскрывает многочисленные связи, соединяющие это неважное с весьма значимым. Когда мы в содержании сновидения находим безразличное впечатление вместо волнующего и безразличный материал вместо

интересного, то это нужно рассматривать как результат работы смещения.

Придерживаясь теперь взглядов, выработанных нами при замещении явного содержания сновидения скрытым, нужно на вопрос о побудителях сновидения и о связи последнего с повседневной жизнью ответить следующим образом: сновидение никогда не интересуется тем, что не могло бы привлечь нашего внимания днем, и мелочи, не волнующие нас днем, не в состоянии преследовать нас и во сне.

Каков же побудитель сновидения в избранном нами для анализа примере? Это – незначительное переживание, заключающееся в том, что приятель дал мне возможность проехаться даром в карете. Картина за табльдотом в сновидении содержит намек на этот незначительный факт, ибо в разговоре с приятелем я привел карету с таксометром в параллель с табльдотом. Но я могу также указать и на важное переживание, которое замещено во сне этим незначительным: несколько дней перед тем я истратил много денег на одного дорогого мне члена моей семьи. И вот скрытые мысли сновидения как бы говорят: было бы нисколько не удивительно, если бы то лицо отблагодарило меня – любовь его не была бы бесплатной. Бесплатная же любовь, по-видимому, стоит среди моих скрытых мыслей на первом плане. И то обстоятельство, что я с указанным родственником незадолго перед тем несколько раз ездил в карете, приводит к тому, что поездка с моим приятелем напоминает мне об отношениях к первому. Для того чтобы какое-нибудь незначительное переживание могло сделаться побудителем сновидения, необходимо еще одно условие, не нужное для действительного источника сновидения: это переживание должно быть всегда недавним, т. е. относиться ко дню перед сновидением.

Я не могу оставить вопроса о смещении сновидений, не упомянув еще об одном удивительном явлении, которое наблюдается при образовании сновидения под влиянием сгущения и смещения. При рассмотрении сгущения мы уже имели возможность познакомиться с таким случаем, когда два скрытых за сновидением представления, имея что-либо общее между собой или какую-нибудь точку соприкосновения, замещаются в сновидении смешанным представлением, в котором более ясная суть соответствует общим, а неясные подробности – частным чертам обоих представлений. Если к этому сгущению присоединяется еще и смещение, то образуется не смешанное представление, а некое общее среднее, которое относится к отдельным элементам так, как в параллелограмме сил составляющие относятся к равнодействующей. Так, например, в одном из моих сновидений речь идет о впрыскивании пропилена. При анализе я прежде всего нахожу в качестве побудителя сновидения незначительное переживание, в котором некоторую роль играет амилен (химический препарат). Пока я еще не могу объяснить смешения амилена с пропиленом. Но к кругу идей того же сновидения относится еще воспоминание о первом посещении Мюнхена, где на меня произвели сильное впечатление Пропилеи. Дальнейший

анализ позволяет высказать предположение, что смещение с амилена на пропилен было обусловлено влиянием второго круга идей на первый. Пропилен является, так сказать, средним представлением между амиленом и Пропилеями, и слово это попадает в содержание сновидения в качестве компромисса путем одновременного сгущения и смещения.

При взгляде на эту работу смещения еще настоятельнее, чем при сгущении, чувствуется потребность найти мотивы такой загадочной работы сновидения.

VI

Если то обстоятельство, что мы в содержании сновидения не находим или не узнаем скрытых его мыслей и не догадываемся даже о причинах такого искажения, обусловливается главным образом работой смещения, то другая, более легкая переработка скрытых мыслей приводит нас к обнаружению новой, но уже вполне понятной деятельности работы сновидения. Ближайшие скрытые мысли, обнаруживаемые путем анализа, часто поражают нас своей необычностью: они являются нам не в рациональных словесных формах, которыми наше мышление обыкновенно пользуется, а скорее выражаются символически, посредством сравнений и метафор, как в образном поэтическом языке. Нетрудно найти причину такого рода условности при выражении скрытых мыслей. Сновидение по большей части состоит из зрительных картин (ситуаций); поэтому скрытые мысли должны прежде всего подвергнуться некоторым изменениям, чтобы сделаться годными для такого способа выражения. Если мы представим себе, например, задачу, заключающуюся в том, чтобы заменить фразу из какой-нибудь политической передовицы или из речи в судебном зале рядом картинных изображений, то мы легко поймем, какие изменения вынуждена производить работа сновидения в целях образного представления содержания сновидения.

Среди психического материала скрытых мыслей обыкновенно встречаются воспоминания о глубоких переживаниях – нередко из раннего детства, запечатлевшихся как ситуации по большей части со зрительным содержанием. Этот элемент скрытых мыслей, действуя как бы в качестве кристаллизационного центра на концентрацию и распределение материала скрытых мыслей, оказывает, где только возможно, определяющее влияние на формирование сновидения. Ситуация сновидения является часто не чем иным, как видоизмененным и усложненным повторением указанного глубокого переживания: сновидение лишь очень редко дает точную и без всяких примесей репродукцию действительных сцен.

Но сновидение не состоит исключительно из ситуаций, а содержит также отдельные остатки зрительных образов, речей и даже неизмененных мыслей. Небесполезно, пожалуй,

просмотреть теперь вкратце изобразительные средства, которыми располагает работа сновидения для своеобразного выражения скрытых мыслей.

Обнаруживающиеся путем анализа скрытые мысли представляют психический комплекс самого запутанного строения. Части его находятся в самых разнообразных логических отношениях друг к другу: они могут стоять на первом и на последнем плане; могут быть условиями, отступлениями, пояснениями, доказательствами и возражениями; почти всегда рядом с одним направлением мыслей присутствует противоречащее ему обратное течение. Этому материалу свойственны все характерные черты знакомого нам мышления наяву; но чтобы получить сновидение из этого психического материала, необходимо подвергнуть его сгущающей прессовке, внутреннему раздроблению, смещению, которое одновременно создает новые видимости, и, наконец, избирательному воздействию со стороны наиболее годных для образования ситуаций составных частей. С учетом генезиса этого материала такой процесс заслуживает название «регрессии». При переработке психический материал теряет, конечно, скреплявшие его логические связи: работа сновидения как бы берет на себя только обработку фактического содержания скрытых мыслей; так что при толковании сновидения необходимо восстановить связь, уничтоженную работой сновидения.

Таким образом, средства выражения работы сновидения можно назвать жалкими по сравнению со средствами нашего мышления. Однако сновидение вовсе не должно отказываться от передачи логических отношений между скрытыми мыслями: очень часто ему удается заменить эти отношения характерными продуктами собственного творчества.

Сновидение прежде всего обнаруживает непреложную связь между всеми частями скрытых мыслей тем, что соединяет весь этот материал в одну ситуацию: оно выражает логическую связь сближением во времени и пространстве, подобно художнику, соединяющему на картине, изображающей Парнас, всех поэтов, которые, конечно, никогда не находились вместе на одной вершине горы, но в понятии, несомненно, образуют одну семью. Работа сновидения применяет этот способ выражения и в частностях, так что если в сновидении два элемента находятся рядом, это говорит за особенно тесную связь между скрытыми за ними мыслями. Здесь нужно еще заметить, что сновидения одной ночи обнаруживают при анализе свое происхождение от одного и того же круга идей.

Причинная зависимость в сновидении либо вовсе не выражается, либо замещается последовательностью во времени двух неодинаково длинных частей сновидения. Часто это замещение бывает обратным, т. е. начало сновидения соответствует следствию, а конец – предпосылке. Прямое превращение во сне одного предмета в другой указывает, по-видимому, на отношение причины к следствию.

Сновидение никогда не выражает альтернативу «или – или», а содержит оба члена ее,

как равнозначащие, в одной и той же связи. И я упоминал, что при воспроизведении сновидения альтернативу «или – или» нужно передавать словом «и».

Противоречащие друг другу представления выражаются во сне преимущественно одним и тем же элементом[1]. Слова «нет», по-видимому, не существует для сновидения. Противоположность между двумя мыслями и инверсия выражается в сновидении в высшей степени странно, именно: одна часть сновидения как бы последовательно превращается в свою противоположность. Ниже мы познакомимся еще с другим способом выражения противоречия. Столь частое в сновидении ощущение затрудненного движения выражает противоречие между импульсами, т. е. волевой конфликт.

Весьма пригодным для механизма создания сновидения оказывается только одно логическое отношение – отношение подобия, общности, согласования. Работа сновидения пользуется этими случаями как опорными пунктами для сгущения сновидения и соединяет в новое единство все, что обнаруживает такое согласование.

Всех высказанных нами замечаний, конечно, недостаточно для правильной оценки всей суммы средств, которыми располагает работа сновидения для выражения логических отношений между скрытыми мыслями сновидения. В этом отношении разные сновидения бывают обработаны более тонко или более небрежно: неодинаково старательно придерживаются имеющегося текста и неодинаково пользуются вспомогательными средствами работы сновидения; в этом случае сновидения кажутся темными, спутанными и бессвязными. Когда сон очевидно нелеп и содержит очевидное противоречие, это происходит преднамеренно: своим с виду небрежным отношением ко всем логическим требованиям сновидение указывает на какую-то скрытую мысль; нелепость в сновидении означает противоречие, насмешку и издевку в скрытых мыслях. Так как это объяснение является самым сильным возражением против того понимания сновидения, которое приписывает происхождение сновидения диссоциированной и лишенной критики душевной деятельности, то я хочу подкрепить свое объяснение примером.

Мне снится: один мой знакомый М. подвергся в одной статье нападкам со стороны не больше и не меньше как самого Гете; нападки эти, по нашему общему мнению, были незаслуженны. М. был, конечно, уничтожен ими; он горько жалуется на это в одном обществе за столом, но говорит, что его уважение к Гете от этого нисколько не пострадало. Я стараюсь затем несколько выяснить себе обстоятельства времени, которые кажутся мне неправдоподобными: Гете умер в 1832 году, следовательно, его нападки на М. должны были произойти раньше; М. должен был быть тогда совсем молодым человеком; мне

[1] Примечательно, что известные лингвисты утверждают: древнейшие языки человечества отражают совершенно противоположные крайности одним и тем же словом (сильный – слабый, внутри – снаружи и т. д.; «противоположный смысл первоначальных слов»).

представляется вероятным, что ему было 18 лет. Но я не знаю точно, какой у нас теперь год, и таким образом все вычисление затемняется. Впрочем, эти нападки содержатся в известной статье Гете «Природа».

Бессмысленность этого сновидения покажется еще ярче, если я сообщу, что М. – молодой делец, которому чужды всякие поэтические и литературные интересы. Но, приступив к анализу этого сновидения, я сумею доказать, что за этой бессмысленностью кроется определенная система. Сновидение черпает свой материал из трех источников:

1. М., с которым я познакомился в одном обществе за столом, обратился ко мне однажды с просьбой обследовать его старшего брата, обнаруживавшего признаки душевного расстройства. При разговоре с больным случилась неприятная сцена, заключавшаяся в том, что больной без всякого повода стал нападать на брата и намекать на его юношеские похождения. Я спросил больного о дне его рождения (дата смерти во сне) и заставил его производить различные вычисления, чтобы обнаружить у него ослабление памяти.

2. Одна медицинская газета, на обложке которой стояло также и мое имя, поместила прямо-таки «уничтожающую» критику одного совсем молодого референта по поводу книги моего друга Ф. из Берлина. По этому поводу я говорил с редактором, который, правда, выразил свое сожаление, но отказался поместить возражение. После этого я прекратил отношения с газетой и в своем письменном отказе выразил редактору надежду, что наши личные отношения от этого случая не пострадают. Данный случай, собственно, и является источником сновидения. Отрицательный прием, оказанный работе моего друга, произвел на меня глубокое впечатление: эта работа, по моему мнению, содержала фундаментальное биологическое открытие, которое лишь теперь – спустя 4 года – начинает оцениваться специалистами.

3. Одна больная рассказала мне недавно историю болезни своего брата, который впал в помешательство с криком «Natur, Natur»[1]. Врачи думали, что восклицание это относится к чтению прекрасной статьи Гете и что оно указывает на переутомление больного от занятий. Я сказал, что мне представляется более вероятным, что восклицание «природа» нужно понимать в том половом смысле, который известен и необразованным. И тот факт, что несчастный больной впоследствии изуродовал себе половые органы, во всяком случае подкрепил мое предположение. Когда произошел первый припадок, этому больному было 18 лет.

В сновидении прежде всего за моим Я скрывается мой так плохо встреченный критикой друг («я стараюсь несколько выяснить себе обстоятельства времени»). Книга моего друга посвящена именно исследованию некоторых вопросов о длительности жизни; между

[1] Natur – досл. природа, натура. В южнонемецком также (эвфемизм) – срам, половые органы.

прочим, автор говорит также о продолжительности жизни Гете, которая равна очень значительному в биологии числу дней. Однако мое Я уподобляется затем паралитику («я не знаю точно, какой у нас теперь год»). Таким образом, сновидение представляет моего друга паралитиком, изобилуя при этом нелепостями. Скрытые же мысли гласят иронически: «Конечно, он – сумасшедший дурак, а вы – гении и больше всех понимаете; а не вернее ли будет обратное». Эта инверсия широко использована в содержании сновидения; так, например, Гете нападает на молодого человека; это, конечно, нелепо, ибо в наше время всякий молодой человек легко может критиковать великого Гете.

Я мог бы сказать, что каждое сновидение исходит только из эгоистических побуждений. Мое Я во сне не только замещает моего друга, но изображает также и меня самого; я отождествляю себя с ним: судьба его открытия представляется мне образцом того, как будет принято мое собственное открытие; когда я выступлю со своей теорией, подчеркивающей в этиологии психоневрозов влияние половой сферы (ср. намеки на больного с возгласом «природа»), то меня ожидает такая же критика, и я уже теперь также смеюсь над ней. Вскрывая далее свои скрытые мысли, я постоянно нахожу насмешку и издевку как коррелят нелепостей в сновидении. Случайная находка в Венеции надтреснутого черепа овцы, как известно, навела Гете на мысль о так называемой позвоночной теории черепа[1]. Мой друг хвалится, что, будучи студентом, он поднял целую бурю для устранения одного старого профессора, который, имея в прошлом заслуги (между прочим, и в указанной выше области сравнительной анатомии), сделался затем вследствие старческого слабоумия неспособным к преподаванию. Поднятая им (другом) агитация помогла предотвратить беду, создавшуюся в силу того, что в немецких университетах не положен возрастной предел академическому преподаванию. Но возраст не гарантирует от глупости. Несколько лет я служил в одной больнице при старшем враче, который, будучи давно уже дряхлым и с десяток лет заведомо слабоумным, продолжал занимать свою ответственную должность. Здесь мне вспоминается находка Гете в Венеции. Молодые коллеги по больнице применили как-то к этому старику популярную в то время песенку: «Ни один Гете этого не воспел, ни один Шиллер этого не описал» и т. д.

VII

Мы не закончили еще оценки работы сновидения. Кроме сгущения, смещения и наглядной переработки психического материала необходимо приписать работе сновидения еще другого рода функцию, заметную, впрочем, не во всех сновидениях. Я не стану

[1] Теория происхождения черепа из видоизмененных разросшихся и сросшихся между собой позвонков.

подробно описывать эту часть работы сновидения, но хочу лишь указать, что о ее сущности можно составить себе представление, если предположить – может быть, не совсем верно – что работа сновидения действует иногда на сновидение уже после его образования. Она заключается в том, чтобы расположить составные элементы сновидения в такой порядок, при котором они находились бы между собой в связи и сливались бы в одно цельное сновидение. Таким образом, сновидение приобретает нечто вроде фасада, который, конечно, не во всех пунктах прикрывает его содержание, и при этом первое предварительное толкование, которому способствуют вставки и легкие изменения. Но такая обработка сновидения становится возможной лишь благодаря тому, что работа сновидения при этом ничем не смущается и вообще обнаруживает резкое непонимание скрытых мыслей; поэтому, когда мы приступаем к анализу сновидения, нам прежде всего необходимо отбросить эти попытки толкования.

В этой части цель работы сновидения становится особенно прозрачной: это – стремление сделать сновидение более понятным. Это обстоятельство указывает также и на характер такой переработки; последняя относится к соответственному содержанию сновидения, так же как наша нормальная деятельность – к содержанию любого восприятия: она прилагает к нему известные готовые представления и уже при самом восприятии в целях понятности располагает элементы последнего в определенном порядке; однако такая переработка рискует исказить восприятие, и действительно, если не удастся связать его с чем-либо известным, она приводит к самым странным недоразумениям. Ведь известно, что мы не в состоянии смотреть на ряд чуждых нам знаков или слушать незнакомые слова без того, чтобы не видоизменять их с целью сделать понятными и связать с чем-либо знакомым для нас.

Сновидения, подвергшиеся такой обработке со стороны такой психической деятельности, полностью аналогичной мышлению в бодрствующем состоянии, можно назвать хорошо сочиненными. В других сновидениях эта деятельность совершенно отсутствует; в них даже не делается попытки упорядочить и истолковать их, так что по пробуждении мы, чувствуя себя тождественными с этой последней частью работы сновидения, говорим, что оно было «совершенно спутанным». Однако сновидение, представляющее беспорядочную кучу бессвязных отрывков, имеет для анализа такую же ценность, как и сновидение, хорошо сделанное и имеющее приглаженный внешний вид; в первом случае нам не приходится тратить усилий на разрушение того, что создано последней функцией работы сновидения. Не следует, однако, заблуждаться и считать, что этот фасад сновидения не представляет из себя ничего иного, как просто невразумительную и довольно произвольную переработку содержания сновидения сознательной инстанцией нашей душевной жизни. Нередко для создания фасада сновидения используются фантазии-желания,

которые находят себе воплощение в мыслях сновидения и по типу аналогичны известным нам из бодрствования так называемым «снам наяву». Желания-фантазии, которые анализ открывает в ночных сновидениях, зачастую выступают как повторения и переработки сцен в детстве; фасад сновидения открывает нам собственное ядро сновидения, непосредственно подвергшееся искажению во многих сновидениях путем смешения с другим материалом. В работе сновидения невозможно более открыть других типов деятельности, кроме четырех вышеупомянутых.

Если твердо придерживаться того положения, что «работа сновидения» означает переработку скрытых мыслей в содержание сновидения, то нужно сказать, что работа сновидения вообще ничего не создает, не проявляет своей собственной фантазии, не рассуждает, не умозаключает и что вообще функции ее заключаются только в сгущении материала, смещении его и наглядном его представлении, к которым присоединяется иногда еще последний непостоянный элемент – истолковывающей переработки. В содержании сновидения встречаются, правда, и такие элементы, которые можно было бы принять за продукт высшей психической деятельности; но анализ всегда обнаруживает, что эти интеллектуальные операции имели место уже в скрытых мыслях, откуда сновидение их лишь заимствует. Логическое заключение в сновидении есть не что иное, как повторение заключения из скрытых мыслей. Оно бывает неопровержимым, если переходит в сновидение без изменения; оно становится бессмысленным, если работа сновидения переносит его на другой материал. Вычисление во сне указывает на таковое же в скрытых мыслях; но тогда как в последнем случае вычисление всегда правильно, во сне оно может в силу сгущения элементов и смещения на другой материал дать самый нелепый результат. Даже встречающиеся в сновидении речи не сочинены вновь; они оказываются составленными из отрывков речей, произнесенных или слышанных раньше и воспроизведенных теперь в скрытых мыслях; при этом слова воспроизводятся самым точным образом, повод же к их произнесению игнорируется и смысл жестоко извращается. Быть может, не излишне подкрепить последние указания примерами.

1. Невинно звучащее и хорошо сочиненное сновидение одной пациентки гласит:

Она идет на рынок со своей кухаркой, которая несет корзину. Мясник в ответ на ее требование чего-то говорит: «Этого уже нет», – и хочет дать ей что-нибудь другое с замечанием: «Это тоже хорошо». Она отказывается и идет к зеленщице. Последняя предлагает ей пучок какой– то странной зелени черного цвета. Она говорит: «Этого я не знаю (kenne) и не возьму».

Слова «этого уже нет» находятся в связи с историей ее лечения. Я сам за несколько дней до того объяснял пациентке, что воспоминания раннего детства уже не существуют как таковые, а заменяются метафорами и сновидениями; значит, в ее сновидении в качестве

мясника фигурирую я.

Другие слова: «этого я не знаю» – были произнесены при совершенно других условиях. За день до сновидения она крикнула своей кухарке, которая, впрочем, тоже фигурирует в сновидении: «Ведите себя прилично, этого я не признаю (kenne)» (т. е. такого поведения не признаю и не понимаю). Более невинная часть этой фразы попала, в силу смещения, в сновидение; в скрытых же мыслях главную роль играла другая часть фразы; дело в том, что в данном случае работа сновидения изменила крайне наивно и до полной неузнаваемости созданную воображением больной ситуацию, где я веду себя в некотором роде неприлично по отношению к ней. А эта воображаемая ситуация, в свою очередь, является лишь «новым изданием» переживания пациентки, имевшего когда-то место в действительности.

2. Вот другой как будто лишенный всякого значения сон, в котором встречаются числа. Г-же А. снится, будто ей нужно уплатить за что-то: дочь ее берет у нее из кошелька 3 фл. 65 кр., но мать говорит ей: «Что ты делаешь? Это ведь стоит только 21 крейцер».

Видевшая сон была иногородней; она поместила своего ребенка в какое-то воспитательное заведение в Вене и могла продолжать лечение у меня до тех пор, пока в Вене оставалась ее дочь. В день накануне сновидения заведующая заведением советовала матери оставить ребенка еще на год; в этом случае она продлила бы и свое лечение на год. Числа в сновидении приобретают значение, если вспомнить, что «время – деньги». Один год равен 365 дням, в крейцерах 365 кр. или 3 фл. 65 кр.; 21 крейцер соответствует трем неделям, которые оставались со дня сновидения до конца учения и, следовательно, до конца лечения. По-видимому, именно денежные соображения заставили эту даму отклонить предложение заведующей, и в силу этих же соображений в сновидении фигурирует небольшая денежная сумма.

3. Молодая, но находящаяся уже несколько лет в замужестве дама узнает, что ее знакомая сверстница Элиза Л. помолвлена. По этому поводу ей приснилось следующее:

Она со своим мужем сидит в театре, и одна сторона партера совершенно пуста. Муж рассказывает ей, что Элиза Л. и жених ее также хотели пойти, но могли достать только плохие места, три места за 1 фл. 50 кр., а таких они не хотели взять. Она думает, что в этом не было бы беды.

Здесь нас интересует, как эти числа возникли из материала скрытых мыслей и каково испытанное ими превращение. Откуда возникли эти 1 фл. 50 кр.? По незначительному поводу предыдущего дня: ее невестка получила в подарок от своего мужа 150 фл. и поторопилась растратить их, купив себе на эту сумму какое-то украшение. Заметим, что 150 фл. в 100 раз больше, чем 1 фл. 50 кр. Для цифры «три», относящейся к театральным билетам, имеется лишь та связь, что невестка Элизы Л. ровно на три месяца моложе этой

дамы, видевшей сон. Ситуация в сновидении является воспроизведением небольшого случая, которым муж ее часто дразнил: она однажды очень торопилась достать заблаговременно билеты на одно представление; когда же она явилась в театр, одна сторона партера была почти пуста; ей, следовательно, незачем было так торопиться. Не оставим, наконец, без внимания и ту нелепость в сновидении, что два лица хотят взять три билета в театр. Скрытые мысли здесь таковы: «Это ведь было бессмысленно выходить так рано замуж; мне незачем было так торопиться. На примере Элизы Л. я вижу, что всегда могла бы найти мужа и даже в сто раз лучшего (мужа, сокровище – Schatz), если бы только подождала. За свои деньги (приданое) я могла бы купить трех таких мужей».

VIII

Познакомившись в предыдущем изложении с работой сновидения, читатель, пожалуй, будет склонен рассматривать ее как совершенно особенный процесс, не имеющий, насколько известно, подобного себе; на работу сновидения как бы переходит то странное ощущение, которое обыкновенно вызывается у нас продуктом этой работы, т. е. сновидением. Но в действительности работа сновидения впервые знакомит нас лишь с одним из целого ряда психических процессов, на почве которых возникают истерические симптомы, навязчивый страх, навязчивые и бредовые идеи. Сгущение и прежде всего смещение являются всегда характерными чертами также и для этих процессов; наоборот, наглядное представление остается своеобразной чертой работы сновидения. Если это объяснение ставит сновидение рядом с созданиями больной психики, то тем важнее для нас узнать существенные условия возникновения таких процессов, как сновидение. Читатель, вероятно, будет удивлен, когда услышит, что к этим обязательным условиям не относятся ни состояние сна, ни болезнь; целый ряд явлений повседневной жизни здоровых людей – забывчивость, обмолвки, промахи и известный род заблуждений – обязан своим возникновением такому же психическому механизму, как и сновидение.

Среди отдельных функций работы сновидения более всего поразительно смещение, являющееся центральным пунктом всей проблемы. При исследовании вопроса мы узнаем, что явление смещения обусловливается чисто психологическими моментами: оно является чем– то вроде мотивировки. Чтобы обнаружить последнюю, необходимо дать оценку тем фактам, с которыми мы неизбежно сталкиваемся при анализе сновидения. Так, при анализе первого сновидения я вынужден был прервать изложение скрытых мыслей ввиду того, что среди них, как я признался, были такие, которые я по важным соображениям предпочитаю скрыть от посторонних. К этому я добавил, что если вместо данного сновидения взять для

анализа какое-нибудь другое, это делу не поможет: в каждом сновидении с темным или спутанным содержанием я натолкнусь на скрытые его мысли, требующие сохранения тайны. Но если я продолжаю анализ для себя самого и не принимаю во внимание других, для которых ведь и не предназначено такое личное переживание, как сновидение, то я добираюсь, наконец, до таких мыслей, которые ошеломляют меня, которых я в себе не знал и которые мне не только чужды, но и неприятны; я готов энергично оспаривать их, но протекающая в анализе ассоциация идей непреодолимо навязывает мне их. Это общее положение вещей я могу объяснить только тем, что мысли эти действительно содержались в моей душевной жизни и обладали известной психической интенсивностью или энергией, но находились в своеобразном психологическом состоянии, в силу которого не могли сделаться сознательными. Я называю это особенное состояние вытеснением. И я не могу не видеть причинной связи между неясностью сновидения и вытеснением некоторых скрытых мыслей, т. е. неспособностью их достигнуть сферы сознания; а отсюда я заключаю, что сновидение должно быть неясным для того, чтобы не выдать запретных скрытых мыслей. Таким образом, я прихожу к представлению об искажении сновидения, которое является продуктом работы сновидения и имеет своей целью замаскировать, т. е. скрыть, что-нибудь.

Я попытаюсь теперь на примере избранного мною для анализа сновидения спросить себя, какова же та скрытая мысль, которая проявилась в этом сновидении в искаженном виде и которая, будучи не искажена, вызвала бы с моей стороны самое резкое возражение. Я вспоминаю, что даровая поездка в карете напомнила мне о дорого обошедшихся мне в последнее время поездках в карете с одним членом моей семьи; далее, что толкование сновидения привело меня к мысли – «мне хотелось бы испытать разок любовь, которая мне ничего не стоит», и, наконец, что я незадолго перед сновидением истратил на это самое лицо большую сумму денег. В этой связи я не могу отделаться от мысли, что мне жаль этих денег. И только когда я признаюсь в этом чувстве, приобретает смысл то обстоятельство, что я во сне хочу любви, не требующей от меня никаких расходов. И все-таки я вправе искренно сказать себе, что при решении затратить ту сумму я не колебался ни одного мгновения; сожаление об этом, т. е. обратное побуждение, не достигло моего сознания; по каким причинам не достигло, это во всяком случае другой вопрос, ведущий далеко в сторону, и известный мне ответ на него принадлежит к другой связи идей.

Подвергая анализу не свое собственное, а сновидение другого лица, я приду к тем же выводам, хотя соображения, на которых будут основываться мои выводы, будут иными. Если я имею дело со сновидением здорового человека, то у меня нет иного средства заставить его признать обнаруженные и неосознанные им скрытые мысли, как указать на общую связь всех скрытых мыслей сновидения. Если же я имею дело с нервнобольным, например истериком, то признание вытесненной мысли является для него обязательным

ввиду связи этой последней с симптомами его болезни и ввиду улучшения, наступающего у него при замене симптомов болезни неосознанными мыслями. Например, у больной, которой принадлежит последнее сновидение с тремя билетами за 1 фл. 50 кр., анализ должен допустить, что она не ценит своего мужа, сожалеет о браке с ним и охотно заменила бы его другим; она, конечно, утверждает, что любит его и что ее сознание ничего не знает об этой низкой оценке мужа (в 100 раз лучшего!); но все симптомы ее болезни приводят к такому же заключению, как и это сновидение. И после того как у больной были разбужены вытесненные воспоминания о том времени, когда она сознательно не любила своего мужа, болезненные симптомы исчезли, а с ними исчезло и ее сопротивление против вышеупомянутого толкования сновидения.

IX

Приняв понятие вытеснения и приведя факт искажения сновидения в связь с вытесненным психическим материалом, мы в состоянии указать в общих чертах на полученные из анализа сновидений главные результаты. Относительно понятных и осмысленных сновидений мы узнали, что они являются незамаскированными исполнениями желаний, т. е. что ситуация сновидения представляет исполненным какое-нибудь вполне заслуживающее внимания желание, знакомое сознанию и оставшееся невыполненным наяву. В неясных и спутанных сновидениях анализ обнаруживает нечто вполне аналогичное: ситуация сновидения опять изображает исполненным какое-нибудь желание, выплывающее всегда из скрытых мыслей; но представлено оно в неузнаваемом виде, так что только анализ в состоянии вскрыть его. При этом желание либо само вытеснено и чуждо сознанию, либо самым тесным образом связано с вытесненными мыслями и выражается ими. Итак, формула этих сновидении такова: они суть замаскированные исполнения вытесненных желании. Любопытно отметить по этому поводу справедливость народного воззрения, рассматривающего сновидение как предсказание будущего. В действительности в сновидении проявляется не то будущее, которое наступит, а то, наступление которого мы желали бы; народный дух и здесь поступает так, как он привык поступать в других случаях: он верит в то, чего желает.

С точки зрения исполнения желаний сновидения бывают трех родов. Во-первых, сновидения, представляющие невытесненное желание в незамаскированном виде: таковы сновидения инфантильного типа, реже встречающиеся у взрослых. Во-вторых, сновидения, выражающие вытесненные желания в замаскированном виде: таково, пожалуй, огромное большинство всех наших сновидений, для понимания которых необходим анализ. В-третьих, сновидения, выражающие вытесненные желания, но без или с недостаточной маскировкой

их. Эти сновидения постоянно сопровождаются страхом, прерывающим сон; страх выступает здесь вместо искажения сновидения; в сновидениях же второй категории страх устраняется работой сновидения. Можно без особых затруднений доказать, что представление, вызывающее теперь у нас во сне страх, было когда-то нашим желанием, а затем было вытеснено.

Существуют также ясные сновидения со страшным содержанием, которые, однако, не вызывают страха во мне; поэтому их не следует причислять к сновидениям третьей категории. Такие сновидения служили всегда доказательством того мнения, что сновидения лишены всякого значения и психической ценности. Однако анализ одного примера покажет, что в таких случаях мы имеем дело с хорошо замаскированными исполнениями вытесненных желаний, т. е. со сновидениями второй категории; этот же пример может служить прекрасной иллюстрацией пригодности работы смещения для маскировки желаний. Девушка во сне видит единственного ребенка своей сестры мертвым при той же обстановке, при которой она несколько лет назад видела мертвым первого ребенка. При этом девушка не испытывает никакой жалости, но, конечно, протестует против того понимания, будто смерть ребенка соответствует ее желанию. Этого и не требуется: дело в том, что у гроба первого ребенка сестры она в последний раз видела и говорила с любимым человеком; если бы умер второй ребенок, то, вероятно, она опять встретилась бы в доме сестры с этим человеком. И вот она жаждет этой встречи, но протестует против такого чувства. В самый день сновидения она взяла билет на лекцию, объявленную все еще любимым ею человеком; ее сновидение есть просто «нетерпеливое» сновидение, как это обыкновенно бывает перед путешествием, посещением театра и другими ожидаемыми удовольствиями; чтобы скрыть это стремление, ситуация применена к случаю, который менее всего подходит для радостных чувств, но который оказал ей однажды услугу. Следует обратить внимание еще на то обстоятельство, что эмоции во сне соответствуют не получившемуся содержанию сновидения, а действительному, хотя и скрытому; ситуация в сновидении предвосхищает давно желаемое свидание и не дает никакого повода для тяжелых чувств.

X

Так как философам до сих пор не приходилось еще заниматься вопросом о психологии вытеснения, то позволительно в связи с неизвестной сущностью этого явления составить себе наглядное представление о процессе образования сновидения. Несмотря на сложность принятой нами схемы, мы все-таки не можем удовлетвориться более простой схемой. По нашему мнению, в душевном аппарате человека имеются две мыслеобразующие инстанции, из которых вторая обладает тем преимуществом, что ее продукты находят доступ

в сферу сознания открытым; деятельность же первой инстанции бессознательна и достигает сознания только через посредство второй. На границе обеих инстанций, на месте перехода от первой ко второй, находится цензура, которая пропускает лишь угодное ей, а остальное задерживает. И вот то, что отклонено цензурой, находится, по нашему определению, в состоянии вытеснения. При известных условиях, одним из которых является сновидение, соотношение сил между обеими инстанциями изменяется таким образом, что вытесненное не может уже быть вполне задержано; во сне это происходит как бы вследствие ослабления цензуры, в силу которого вытесненное приобретает возможность проложить себе дорогу в сферу сознания. Но так как цензура при этом никогда не упраздняется, а лишь ослабляется, то она довольствуется такими изменениями сновидения, которые смягчают неприятные ей обстоятельства; то, что в таком случае становится осознаваемым, есть компромисс между намерениями одной инстанции и требованиями другой. Вытеснение, ослабление цензуры, образование компромисса – такова основная схема возникновения как сновидения, так и всяких психопатических представлений; при образовании компромисса как в том, так и в другом случае наблюдаются явления сгущения и смещения и возникают поверхностные ассоциации, знакомые уже нам по работе сновидения.

Нет нужды скрывать, что известную роль в созданном нами объяснении сыграл элемент демонизма при работе сновидения. У нас действительно возникло впечатление, что образование неясных сновидений происходит так, как будто одно лицо, находящееся в зависимости от другого, желает сказать то, что последнему неприятно слушать; путем такого уподобления мы создали понятие об искажении сновидения и о цензуре и затем постарались перевести свое впечатление на язык несколько грубой, но зато наглядной психологической теории. К чему бы ни свелись наши первая и вторая инстанции при дальнейшем исследовании, мы все же ждем подтверждения нашего предположения, что вторая инстанция распоряжается доступом к сознанию и может не допустить к нему первую инстанцию.

По пробуждении цензура быстро восстанавливает свою прежнюю силу и тогда может отобрать все, что было завоевано у нее в период ее слабости. Что забывание сновидения – по крайней мере отчасти – требует именно такого объяснения, это явствует из опыта, подтвержденного бесчисленное количество раз. При пересказе сновидения, при анализе его нередко случается, что отрывок, считавшийся забытым, вдруг вновь выплывает в памяти; этот извлеченный из забвения отрывок дает обыкновенно наилучший и ближайший путь к истолкованию сновидения; вероятно, в силу этого обстоятельства данный отрывок и был подавлен, т. е. забыт.

XI

Истолковав сновидение как образное представление исполнения желания и объяснив неясность его цензурными изменениями в вытесненном материале, нам уже нетрудно сделать вывод о функции сновидения. В противоположность обычным разговорам о том, что сновидения мешают спать, мы должны считать сновидения хранителем сна. По отношению к детскому сну это утверждение, пожалуй, не встретит возражений.

Наступление сна или соответственного изменения психики во сне, в чем бы оно ни состояло, обусловливается решением уснуть, которое навязывается ребенку или принимается им добровольно вследствие усталости; при этом сон наступает лишь при устранении внешних раздражителей, могущих поставить перед психикой вместо сна иные задачи. Нам известно, какие средства служат для устранения внешних раздражений; но необходимо указать также на средства, которыми мы располагаем для подавления раздражении внутренних (душевных), также мешающих нам уснуть. Возьмем мать, усыпляющую своего ребенка; последний беспрестанно выражает какое-нибудь желание: ему хочется еще раз поцеловаться, он хочет еще играть; желания эти частью удовлетворяются, частью авторитетно откладываются на следующий день; ясно, что возникающие желания и потребности мешают уснуть. Кому не знакома забавная история (Болдуина Гроллера) о скверном мальчугане, который, проснувшись ночью, орет на всю спальню: «Хочу носорога!» Спокойный ребенок вместо того, чтобы орать, видел бы во сне, будто он играет с носорогом. Так как сновидение, представляющее желание исполненным, принимается во сне доверчиво, то оно таким образом устраняет желание, и продолжение сна становится возможным.

Нельзя не признать, что сновидение принимается доверчиво потому, что является нам в виде зрительного восприятия; ребенок же не обладает еще способностью, развивающейся позднее, отличать галлюцинации или фантазию от действительности.

Взрослый человек умеет различать это; он понимает также бесполезность хотения и путем продолжительного упражнения научается откладывать свои желания до того момента, когда они вследствие изменения внешних условий смогут быть удовлетворены окольным путем. Соответственно этому у взрослого во сне редко встречается исполнение желания прямым психическим путем; возможно даже, что оно вообще не встречается; а все, что кажется нам созданным по образцу детского сновидения, требует гораздо более сложного объяснения. Зато у взрослого человека – и, пожалуй, у всех без исключения людей с нормальным рассудком – развивается дифференциация психического материала, отсутствующая у ребенка; появляется психическая инстанция, которая, будучи научена жизненным опытом, строго господствует над душевными движениями, оказывая на них задерживающее влияние и обладая по отношению к сознанию и произвольным движениям

наиболее сильными психическими средствами. При этом часть детских эмоций, как бесполезная в жизни, подавляется новой инстанцией, так что все вытекающие из этих эмоций мысли находятся в состоянии вытеснения.

Когда же эта инстанция, в которой мы узнаем свое нормальное Я, принимает решение уснуть, то в силу психофизиологических условий сна она, по-видимому, бывает вынуждена ослабить энергию, с которой обыкновенно задерживает днем вытесненные мысли. Это ослабление само по себе незначительно: хотя в подавленной детской душе и теснятся эмоции, они в силу состояния сна все-таки с трудом находят себе дорогу к сознанию и совсем не находят ее к двигательной сфере. Однако опасность, угрожающая с этой стороны спокойному продолжению сна, должна быть устранена. По этому поводу необходимо указать, что даже в глубоком сне известное количество свободного внимания должно быть обращено на те возбуждения, ввиду которых пробуждение представляется более целесообразным, чем продолжение сна. Иначе нельзя было бы объяснить того обстоятельства, что нас всегда можно разбудить раздражениями определенного качества, как на это указывал уже старый физиолог Бурдах; например, мать просыпается от плача своего ребенка, мельник – от остановки своей мельницы, большинство людей – от тихого обращения к ним по имени. Вот это бодрствующее во сне внимание обращено также и на внутренние возбуждения, исходящие из вытесненного, и образует вместе с ними сновидение, удовлетворяющее в качестве компромисса одновременно обе инстанции. Это сновидение, изображая подавленное или вытесненное желание исполненным, как бы психически исчерпывает его; в то же время, делая возможным продолжение сна, оно удовлетворяет и другую инстанцию. Наше Я охотно ведет себя при этом как дитя; оно верит сновидению, как бы говоря: «да, да, ты прав, но дай мне поспать». То обстоятельство, что мы по пробуждении так низко ценим сновидение ввиду спутанности и кажущейся нелогичности его, обусловливается, вероятно, также и тем, что аналогичную оценку дает нашим возникающим из вы тесненных побуждений эмоциям спящее Я, которое в своей оценке опирается на моторное бессилие этих нарушителей сна. Мы даже во сне сознаем иногда эту низкую оценку, именно: когда сновидение по своему содержанию слишком уж выходит за пределы цензуры, мы думаем: «Это ведь только сон», – и продолжаем спать.

Против такого понимания не может служить возражением то обстоятельство, что и по отношению к сновидению существуют предельные случаи, когда оно не в состоянии уже исполнять своей функции – охраны сна и, как это бывает при страшных сновидениях, берет на себя другую функцию – своевременно прервать сон. Сновидение поступает при этом подобно добросовестному сторожу, который сначала исполняет свои обязанности, устраняя всякий шум, могущий разбудить граждан; когда же причина шума представляется ему важной и сам он не в силах справиться с нею, тогда он видит свою обязанность в том, чтобы

самому разбудить граждан.

Эта функция сновидения становится особенно очевидной в тех случаях, когда до спящего субъекта доходят какие-либо внешние раздражения. То обстоятельство, что раздражения внешних органов чувств во время сна оказывают влияние на содержание сновидения, всем давно известно, может быть доказано экспериментально и является мало пригодным, но слишком высоко оцененным результатом врачебных исследований сновидения. Но с этим фактом связана другая неразрешимая до сих пор загадка: внешнее раздражение, действуя в эксперименте на спящего, появляется в сновидении не в своем настоящем виде, а подвергается одному из многочисленных толкований, выбор между которыми, как кажется, предоставлен психическому произволу. Психического произвола, конечно же, не существует; спящий может реагировать различным образом: он либо просыпается, либо ему удается продолжать сон. В последнем случае он может воспользоваться сновидением, чтобы устранить внешнее раздражение, и притом опять– таки различным образом: он может, например, устранить раздражение, видя во сне такую ситуацию, которая совершенно не вяжется с данным раздражением. Так, например, одному господину с болезненным абсцессом в промежности снилось, будто он едет верхом на лошади; причем согревающий компресс, который должен был смягчить боль, был принят им во сне за седло; таким образом он справился с мешавшим ему спать раздражением. Чаще же бывает так, что внешнее раздражение подвергается толкованию, в силу которого оно входит в связь с вытесненным и ждущим своего исполнения желанием, теряет поэтому свой реальный характер и рассматривается как часть психического материала. Так, например, одному лицу снится, что он написал комедию, воплощающую известную идею; комедия ставится в театре; прошел первый акт, встреченный бурными одобрениями; страшно аплодируют... Видящему сон здесь удалось продолжать спать, несмотря на шум; по пробуждении он не слыхал уже шума, но справедливо решил, что, должно быть, где-то вблизи выбивали ковер или постель. Сновидение, возникающее непосредственно перед пробуждением от сильного шума, всегда представляет собой попытку посредством толкования отделаться от мешающего спать раздражения и таким образом продлить сон еще на некоторое время.

XII

Я не утверждаю, что осветил здесь все проблемы сновидения или исчерпал все убедительные доводы в пользу затронутых мною вопросов. Кто интересуется всей литературой о сновидении, пусть обратится к книге Санте де Санктиса о сновидении[1]; а кто желает познакомиться с более подробным обоснованием высказанных здесь мною взглядов, пусть прочтет мою работу «Толкование сновидений». Здесь я укажу еще лишь на то, в каком направлении должна продолжаться разработка моих взглядов на сущность работы сновидения. Если задачей толкования сновидения я считаю замещение сновидения скрытыми его мыслями, т. е. распутывание того, что соткано работой сновидения, то, с одной стороны, я выставляю ряд новых психологических задач, касающихся как механизма работы сновидения, так и сущности и условий возникновения так называемого вытеснения; с другой стороны, я признаю существование скрытых мыслей как психического материала высшего порядка, обладающего всеми признаками высшей умственной деятельности, но не проникающего в сферу сознания до тех пор, пока сновидение не исказит его. Я вынужден предполагать существование таких скрытых мыслей у каждого человека, ибо почти все люди – даже самые нормальные – способны видеть сны. С вопросом о бессознательности скрытых мыслей и об отношении их к сознанию и к вытеснению связаны другие важные для психологии вопросы, но решение последних должно быть отложено до того времени, когда удастся путем анализа выяснить происхождение других созданий больной психики, именно: истерических симптомов и навязчивых идей.

[1] Sante de Sanctis. I sogni. Torino, 1899.